

мирный договор, предложил премьер. Вот подписали договор по поводу Австрии, сказал он, и посмотрите, как разрядилась обстановка. Президент Кеннеди, сообщил премьер Фросту, сам признался, что хочет подписать мирный договор, но не может этого сделать из-за сложившейся внутривнутриполитической ситуации. Фрост снова заявил о своих опасениях, что пререкания из-за Берлина — в сущности, мелкие дразги по незначительному поводу — могут спровоцировать огромную войну между двумя мировыми гигантами, двумя странами, которым принадлежит следующее столетие. Премьер сказал в ответ, что страны — участницы Варшавского договора активно развиваются в экономическом плане и что скоро они обгонят Общий рынок. Фрост снова заговорил о недопустимости межгосударственного закулисного торга, о признании существующих границ политического влияния и непрерывном сближении капиталистической и плановой экономик, о демократии, тянущейся, как он выразился, вверх к социализму, и социалистической демократии, которая, выражаясь его словами, движется по нисходящей от своего сурового идеала к более гуманной форме.

Защищая свои позиции в берлинском вопросе, премьер утверждал, что Запад не имеет никаких прав на Восточный Берлин, что он принадлежит их стороне. “Не о чем торговаться”, — сказал он. В свою очередь он подал идею, чтобы Фрост попросил своего президента и своих соотечественников повторно рассмотреть предложение о придании Берлину статуса свободного города и размещении на его территории войск ООН; при выполнении этих условий русские гарантировали коридор и пограничный режим.

Безусловно, оба собеседника были уверены в моральной силе своих стран и в их военной мощи. Оба заявили, что они лично и их страны желают соревноваться друг с другом. Фрост сказал, что если битва должна произойти, то пусть она будет из-за чего-